

ИРИНА МУРАВЬЕВА

БАРЫШНЯ

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Художественное оформление серии
Е. Окольциной

Муравьева, Ирина.

М91 Барышня : роман / Ирина Муравьева. — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104065-9

Вчерашняя гимназистка, воздушная барышня, воспитанная на стихах Пушкина, превращается в любящую женщину и самоотверженную мать. Для ее маленькой семейной жизни большие исторические потрясения начала XX века – простые будни, когда смерть — обычное явление, когда привычен страх, что ты вынешь из конверта письмо от того, кого уже нет. И невозможно уберечься от страданий. Но они не только пригибают к земле, но и направляют ввысь.

«Барышня» — первый роман семейной саги «Я вас люблю».

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104065-9

© Муравьева И., 2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

В этот день, то есть седьмого февраля 1914 года, в Москве была сильная метель. Всё двигалось под серебром и если замирало, то на секунду, а через секунду опять вспыхивало, рвалось снизу вверх, откуда валило, слепило, откуда неистово жгло белым ветром.

Дом на Плющихе, в котором жил доктор Лотосов, был двухэтажным деревянным домом, зимой в нем топили кафельные печи, а лестница черного хода вся благоухала промерзшей капустой, дровами, смолою и запахом снега.

Вряд ли я успею одолеть это расстояние — от метели 1914 года до пасмурного июня 2009-го, — хотя там, наверху, верно, скажут, что это и не расстояние вовсе. Тогда шел, шел снег и стучали пролетки, а нынче оплакивают Майкла Джексона, который был маленьким черным мальчишкой и звонко пел песни, потом вдруг явился неведомо кто — наверное, ночью явился, украдкой, — убил первым делом мальчишку, перед смертью наобещав ему молочные реки, са-

харные горы, дома из попкорна и много игрушек, — убил, закопал, где нога человека отнюдь не ступала (а зверя — подавно!), и вместо убитого вырос костлявый, белей алебаstra, с приклеенным носом. Сказал, что он — Майкл, фамилия — Джексон. И стали вокруг бесноваться и хлопать.

А так всё на свете. Все были детьми, попадали под дождик, все рвали цветы и орали от боли. Потом всех убили и всех закопали. Остались деревья и виды предместий. И главное, так удивительно скоро!

В феврале 1914 года, за много лет до того, как отправили в пустоту и там, в пустоте, умертвили несчастных: животное Белку, животное Стрелку, — за много лет до того, как началась война в Афганистане, вышел на экраны фильм «Анна Каренина» и начали сперму вливать из пробирок в чужое покорное женское лоно, короче, задолго до всех наших бедствий — задолго до бомб, лагерей, трансплантаций — был дом на Плющихе.

Александр Данилыч Алферов, муж Александры Самсоновны Алферовой, чье имя носила женская гимназия, в которой училась Таня Лотосова, преподавал литературу в старших классах, и барышни тихо его обожали.

— Дело в том, — сказал Александр Данилыч, — что Пушкин перед смертью очень сильно страдал. Я надеюсь, что никому из нас, — он оглядел бледных от зимнего света, прелестных своею застенчивой мо-

лодостью гимназисток, — надеюсь, что никому из нас не выпадет того физического страдания, через которое он прошел.

И кивнул на портрет великого поэта работы Тропинина, в стекле которого ритмично отражался падающий снег.

— Он был открытым человеком, — сказал Александр Данилыч, — гениальные люди открыты и просты душою. В ранней своей молодости он ходил к гадалке Александре Филипповне Киргхоф, которая нагадала ему смерть «от белой головы», поэтому он всегда опасался блондинов и был суеверен до крайности. В таком случае, зачем же ему было возвращаться обратно за шубой, когда он ехал на Черную речку? Ведь это плохая примета! Он вышел в бекеше и вдруг возвратился. Велел подать себе в кабинет большую шубу и, надевши ее, пошел пешком до извозчика. Зачем же? Ведь он не искал себе смерти. Я очень прошу вас не верить, что Пушкин искал себе смерти. Я думаю вот что: он просто решил не бояться. Высокие душою люди часто осознают, что жизни бояться не стоит. Грешно. И это, я думаю, есть вера в Бога.

Александр Данилыч вопросительно приподнял брови, но в классе была тишина.

— Да, это есть вера. Поэтому, когда вам будут говорить, что он не справился со своим африканским темпераментом, я очень прошу вас заткнуть себе уши.

Он потер лоб и снял очки. Без очков глаза его стали немного испуганными.

— Когда человек проходит через душевные страдания, он приобретает опыт смерти. А когда он проходит через страдания физические, то опыт жизни.

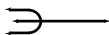
Перед ним сидели бледные от снежного света девушки с погрустневшими лицами. Они его не понимали.

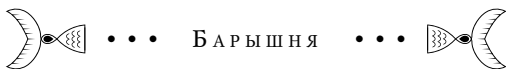
— Представьте себе, — сказал Александр Данилыч и снова надел очки, — весь снег был пропитан кровью. Тянулся густой красный след от вмятины на снегу, которая образовалась, когда Пушкин упал, и до самых саней.

Гимназистки вздрогнули, у многих из них увлажнились ресницы.

— Его везли с Черной речки до Мойки не менее часа, в полусидячем положении, и часто останавливались, поскольку он все время терял сознание. Никаких приготовлений к тому, чтобы доставить раненого, не было произведено. Носилок и щита не было, поэтому поначалу Пушкина с раздробленным тазом просто волокли по снегу, как раненого зверя, затем положили на шинель. Но долго нести его в таком положении не смогли. Тогда секунданты и извозчики разобрали забор из тонких жердей и подогнали сани.

Александр Данилыч тяжело вздохнул и еле заметно всхлипнул, как это иногда случалось с ним от силь-

ного волнения. Гимназистки под партами сжали руки на коленях.

— Он сильно страдал, — продолжал Александр Данилыч, нимало не заботясь о том, что школьный урок превращается в проповедь. — Сохранилось официальное донесение о дуэли, и я вам его прочитаю: «Полициею узнано, что вчера в пятом часу пополудни, за чертою города позади комендантской дачи происходила дуэль между камер-юнкером Александром Пушкиным и поручиком Кавалергардского Ее Величества полка Геккерном, первый из них ранен пулею в нижнюю часть брюха, а последний в правую руку навывлет и получил контузию в брюхо. Господин Пушкин при всех пособиях, оказываемых ему его превосходительством господином лейб-медиком Арендтом, находится в опасности жизни...»

Барышни переживали не столько за Пушкина, раненного в брюхо, что было давно, и он не испытывал больше ни боли, ни страха, сколько за самого Александра Данилыча с его темно-рыжей кудрявой бородкой и испуганными глазами.

— Но дело совсем не в стихах! — таким тоном, словно с ним кто-то спорил, сказал Александр Данилыч. — Литература есть не что иное, как верная догадка о жизни. Вы можете и вовсе забыть о стихах! Но я бы просил вас запомнить *страдания*...

Если бы залетела в натопленную классную комнату — в гимназии Алферовой не сэкономили на дро-

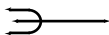
вах — чудом выжившая в суровое время года пушистая, черная с золотом муха и сладко бы стала жужжать и кружиться, то всякий услышал бы это жужжанье: такая была тишина.

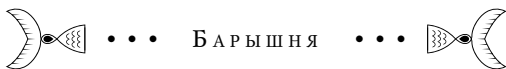
— Хотел вам еще один портрет показать, — вздохнул Александр Данилыч, доставая из своего потрепанного портфеля небольшой холст без рамки. — Я заказал копию, а оригинал поступил в музей Александровского лицея лет двадцать назад, может, даже и больше. Подписано странно: «И. Л.». Считается, что живописцем был некто Линев Иван Лонгинович.

На темном холсте изображался Пушкин со взглядом страдальческим и обреченным, которым он видел, как всё это будет: и снег, пропитавшийся красной кровью, и тяжелое дыхание секундантов, которые затаскивали его на мерзлую шинель, а кровь заливала их руки, и бешеные глаза лошади, рванувшейся в сторону, когда его стали усаживать в сани и шубу, намокшую кровью, набросили на ноги...

* * *

Давали прекрасную оперу Глинки «Руслан и Людмила». Что может быть лучше театра, Большого театра, когда всё завалено снегом, и черное небо чудесно мерцает, и все эти слабые дымные звезды, наверное, знают какую-то тайну, но всё на другом языке, не на нашем... Что может быть лучше театра с его бархат-

ными ложами, внутри которых белеют открытые спины с угловато выступающими лопатками, вспыхивает изредка маленький перламутровый бинокль, поднесенный к глазам, или особенно крупное драгоценное украшение на вытянутой, как у лебедя, шее? А запах в фойе шоколада Сушар? А запах мороза, врывающегося с улицы в открытую лакеем дверь, если какой-нибудь особенно нетерпеливый зритель вдруг покидает представление и устремляется в темноту? Пахнёт снежной пылью, и дверь затворится. И нет человека, растаял.

Татьяне Лотосовой, молодой, только окончившей гимназию барышне, было немного неловко оказаться в театре одной, без подруги, которая, будто назло, заболела и кресло которой теперь пустовало. Но постепенно она освоилась, поправила косу с черным бантом и стала внимательно следить за оперой. Когда во втором акте на сцене появилась огромная голова и начала дуть на витязя с такой силой, что волосы женщин, сидящих в первых рядах партера, слегка разлетелись, Татьяна Лотосова почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Она скосила глаза. Между нею и незнакомым господином с открытым высоким лбом и мелкими, как у ягненка, кудряшками над ним стояло пустое тяжелое кресло. На левой ручке кресла почти невесомо лежал девически-острый локоть Татьяны Лотосовой, на правой — рука господина с худыми и длинными пальцами. Он заметил, что она пе-

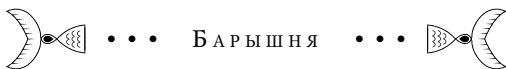
рехватила его взгляд, и вдруг улыбнулся, спокойно и вежливо. Она растерялась сначала, но тут же подумала, что если тебе улыбается сосед, с которым вы вместе слушаете оперу, отвернуться от него, изобразив удивление, есть верх неприличия, ибо ничто не сближает незнакомых людей так сильно, как музыка. И Таня сама улыбнулась соседу — с испуганной робостью, но улыбнулась. Когда полногрудая, пышноволосяя, в больших жемчугах и рубинах Людмила допела всю оперу вместе с Русланом и с шумом, похожим на шум океана, задвинулся занавес, незнакомый господин, похожий немного на Пушкина с портрета живописца Линева, пересел на пустое кресло рядом с Таней и что-то спросил у нее. Вокруг громко хлопали, трещали веерами, переговаривались, и Таня его не расслышала. Она покраснела почти до слез.

— Прекрасная опера! — близко наклоняясь к ней, сказал он. — Давно так прекрасно не пели!

— Да, — хрипло от волнения ответила она. — Мне тоже понравилось.

Вместе они вышли в фойе, вместе отразились в большом и тоже как будто взволнованном зеркале и, наконец, когда Таня Лотосова продела руки в узкую, с белыми хвостиками, муфту, а господин, не отстающий от нее ни на шаг, надел теплое пальто с меховым воротником, они вместе вышли из театра.

Выталкивая колкое от холода дыхание, незаметно дошли до Плющихи, и меховой воротник на паль-

то господина — как было положено — засеребрился сквозящей морозною пылью. Таня узнала, что нового знакомого ее зовут Александром Сергеевичем Веденяпиным, он служит врачом в психиатрической лечебнице Алексева, имеет сына, чуть помоложе, чем Таня, и по роду своей деятельности нередко сталкивается с молодыми людьми, решившими по той или иной причине добровольно уйти из жизни. Почему Александр Сергеевич вдруг начал посвящать ее в подробности своей медицинской практики, она догадалась не сразу, но слушала с очень большим интересом, нисколько не меньшим, чем оперу Глинки. Александр Сергеевич объяснил ей, что если родственникам или друзьям удастся спасти такого молодого человека, вынудив его из петли или ухватив за полу пальто, когда он останавливается на самом краю обрыва, желая шагнуть и погибнуть в пучине, — то роль Александра Сергеевича не заключается только в том, чтобы напичкать спасенного порошками и пилюлями, а в том, чтобы, поговорив с ним наедине, раскрыть осторожно смятенную душу, как какой-нибудь скользко-загорелый, с острыми ребрами и большими зубами островитянин, нырнув глубоко в океан, раскрывает опутанную водорослями почерневшую раковину в надежде увидеть жемчужину.

Александр Сергеевич относился к своим обязанностям ответственно и в первый же вечер знакомства признался Тане, что ни опыт его грустной, хо-

тя и весьма однообразной работы, ни долгие годы одних и тех же разговоров не убили в нем сострадания к безумцам, попадающим в городскую лечебницу Алексева, и потому он всякий раз с любопытством и добротой выслушивает сидящего перед ним на казенной койке пациента. Хотя — если честно признаться — хорошего тут не услышишь, одна чепуха и расстройство рассудка.

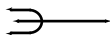
Восемнадцать лет назад, когда он только начинал свою практику, в больницу была на извозчике доставлена молодая девушка, отравившаяся спичками.

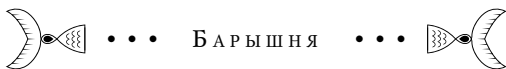
— Я увидел ее, — сказал Александр Сергеевич Веденяпин, и снежный сгусток, сбитый с дерева порывом ветра, опустился на его плечо, подобно убитому голубю, — и... Этого не скажешь словами! Вот говорят, что можно полюбить с первого взгляда. Это чепуха. Можно другое: потерять себя. Вот, скажем, ты жил, дышал, бегал, занимался своими делами, и вдруг тебя как будто схватили за руку. Стой и смотри. А всё остальное неважно. Вот так и со мной: я стоял и смотрел. Она спала, бледная, губы запеклись, руки — тоненькие-тоненькие, а сколько при этом детской свежести, сколько беззащитности было в ней! И жилка на шее. Я на какую-то секунду вообще перестал различать всё остальное, только эту синюю жилку...

Он замолчал и вытер лоб под шапкой.

— Не скучно вам? Вы не замерзли?

Она затрясла головой.

— А снегу-то сколько! — пробормотал Александр Сергеевич. — Вам нравится снег?

— Мне — снег? Нет, не очень. А что было дальше?

Александр Сергеевич вдруг весь осветился вспыхнувшей улыбкой.

— Через неделю я предложил ей свою руку. У нее незадолго до этого умер отец, и она была влюблена в молодого человека, который довел ее до попытки самоубийства. У них были отношения, и ей показалось, что она беременна. А когда она сказала ему об этом, он ответил, что может найти хорошего доктора, чтобы тот освободил ее от плода. Тогда она решила отравиться, но ее вовремя спасли.

— Если она влюблена была в другого, так как же она вышла за вас? — испуганно спросила Таня, оторопев от всех этих произнесенных им подробностей.

— О, это прекрасный вопрос! Не в бровь, а вот именно в глаз! Почему она вышла за меня? Потому что я умолял ее об этом. Многие считают, что после занятий в анатомическом театре все романтические призраки улечучиваются, но это не так, они ошибаются: со мной, во всяком случае, этого не случилось. Я был и, боюсь, остался законченным романтическим идиотом. А вот приятель мой — тот действительно перестал даже смотреть на женщин после того, как мы произвели в морге несколько первых резекций. В каждой хорошенькой барышне ему начали мерещиться будущие покойницы. Вы спрашиваете, поче-